

A close-up of a woman with long, wavy brown hair, looking down with a soft smile. She is wearing a thick, blue, chunky-knit scarf that covers her lower face. Her hands are clasped near her chin. The background is a soft-focus winter scene with snow and bare tree branches.

ТАЙНАЯ ЖЕНА МОЕГО МУЖА

АМЕЛИЯ БОРН

Амелия Борн

Тайная жена моего мужа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68837952

SelfPub; 2023

Аннотация

Звонок в дверь прозвучал резко и требовательно. Я вежливо улыбнулась, обнаружив на пороге незнакомую, эффектную блондинку. – Вы к кому? – К Якову. – А по какому вопросу? Она смирла меня снисходительным, даже словно бы сочувствующим взглядом. – По личному. – А вы, собственно, кто? Она улыбнулась – на этот раз с нескрываемым превосходством. – Я – его жена. Законная. Она с особым удовольствием подчеркнула последнее слово... Мы прожили с Яковым вместе много лет – как казалось, абсолютно счастливо. У нас был общий сын, общие мечты и совместную жизнь не омрачало даже то, что наш брак был не официальным, а гражданским. Но все изменилось, когда на нашем пороге вдруг появилась другая женщина и назвалась его законной женой... Оставив после себя большой, болезненный вопрос: а кем тогда была я?..

Амелия Борн

Тайная жена моего мужа

Аннотация

Звонок в дверь прозвучал резко и требовательно.

Я вежливо улыбнулась, обнаружив на пороге незнакомую, эффектную блондинку.

– Вы к кому?

– К Якову.

– А по какому вопросу?

Она смерила меня снисходительным, даже словно бы сочувствующим взглядом.

– По личному.

– А вы, собственно, кто?

Она улыбнулась – на этот раз с нескрываемым превосходством.

– Я – его жена. Законная.

Она с особым удовольствием подчеркнула последнее слово...

Мы прожили с Яковым вместе много лет – как казалось, абсолютно счастливо. У нас был общий сын, общие мечты и совместную жизнь не омрачало даже то, что наш брак был не официальным, а гражданским.

Но все изменилось, когда на нашем пороге вдруг появилась другая женщина и назвалась его законной женой...

Оставив после себя большой, болезненный вопрос: а кем тогда была я для того, кого привыкла считать своим мужем?..

Глава 1

Нож уверенно и быстро стучал по разделочной доске, а под боком у меня, ласково ворча, закипал чайник.

Я улыбнулась от ощущения уюта, которое дарили такие простые, обыденные вещи. Накормить ужином семью, заварить свежкупленный в небольшом частном магазинчике развесной чай с ароматом ройбоша, апельсина и корицы, и провести этот вечер вместе за просмотром какого-нибудь семейного кино.

Я, муж и сын. Счастье – такая простая, оказывается, штука.

Яков подкрался сзади совсем незаметно. Занятая своими мыслями, я с легким испугом взвизгнула, когда он обнял меня за талию и притянул к себе.

– Испугалась? – рассмеялся муж, ласково проводя носом по моей шее.

Я шутливо шлепнула его по руке.

– Нельзя же так подкрадываться! До инфаркта доведешь, ей-Богу!

Его губы коснулись чувствительного местечка на изгибе

шей, шепот проник не то, что в ухо – а в самую душу...

– Ну прости.

Он снова рассмеялся грудным смехом и остатки досады потонули в этом родном, теплом звуке. Ну вот и как на него можно было долго злиться?..

– Ладно уж, – буркнула себе под нос, делая строгий вид, чтобы муж не думал, что ему все так легко прощается.

Но он, кажется, уже и думать забыл об этом эпизоде. Да и я сама тоже, когда он вдруг произнес:

– А я к тебе вообще-то с сюрпризом.

Удивленная, я обернулась и посмотрела на него.

– Вот как?

Такие спонтанные поступки были ему не слишком-то свойственны. Яша всегда покупал все, о чем я просила, но редко проявлял инициативу сам. Все говорил, что боится не угадать с подарком...

Поэтому теперь сердце забилося от предвкушения, а щеки в нетерпении заалели. Как юная девчонка, честное слово!

– Ну что там у тебя? – не выдержала я, заметив, как он что-то прячет за спиной.

– Не терпится? – поддразнил меня муж.

Я вполне искренне надулась:

– Ну Яш!..

– Ладно, ладно, – усмехнулся он. – Я вообще-то хотел подождать особого случая, например, Нового года... но не выдержал и... вот.

Он выпростал руку из-за спины и у меня буквально перехватило дыхание. От восторга, неверия и... целого сонма иных, буквально ослепляющих эмоций.

На ладони мужа лежала маленькая бархатная коробочка. Насыщенно-алого цвета...

Господи, неужели?..

Я попыталась не радоваться слишком уж откровенно, но не выдержала и охнула. Прижав руку к губам в немом жесте растерянности, буквально пожирала глазами эту коробочку...

Вообще-то, я никогда не стремилась обязательно выйти замуж официально. Мне всегда казалось, что я куда выше фантазий о пресловутом штампе в паспорте. Мы ведь с Яшей и так были мужем и женой, безо всяких удостоверяющих этот факт бумажек. Делили вместе быт, каждый день жизни, зачали желанного, прекрасного сына... И совсем не хотелось думать о каких-то там условностях, без которых у нас и так все было хорошо. Я, наверно, даже боялась спугнуть счастье мыслями о загсах и кольцах...

Тем более, что сам Яша этих разговоров не заводил. А намекать на подобное мне казалось просто ниже моего достоинства...

И все же порой, какая-то маленькая девочка во мне хотела все же надеть белое платье и официально получить фамилию «Отрадная»...

Но в таких случаях я просто напоминала себе, что все это

– просто пережиток прошлого. А главное – это то, что у нас все хорошо и что меня любят... Я это чувствовала и этого было достаточно.

– Ну что, откроешь?

Яша улыбался, ожидая, когда я протяну руку к коробочке. Меня не смутило ни то, что он не встал передо мной на одно колено, ни то, что не выглядел при этом торжественно-взволнованным...

Забыв, как дышать, я протянула дрожащие пальцы и обхватила бархатный футляр...

– Ну давай уже, – поторопил меня муж.

С бешено бьющимся сердцем, я попыталась открыть подарок, но он не поддавался. Не сразу удалось сообразить, что это не коробочка была бархатной, а упаковка, в которую был обернут другой футляр...

На одном дыхании я сорвала упаковку, даже не заметив, что под ней был металлический футляр, быстро раскрыла его и...

Тупо уставилась на лежащие внутри беспроводные наушники, насмешливо поблескивающие в искусственном свете люстры.

– Нравится? – нетерпеливо спросил Яков.

А у меня в горле встал ком. Ком невыносимого разочарования, грозящий в любой момент вырваться наружу слезами, уже начавшими скапливаться в уголках глаз...

Все, на что хватило сил – это просто кивнуть. Даже гу-

бы, которые пыталась сложить в подобие радостной улыбки, упрямо не слушались.

– Помню, ты мечтала о таких, – радостно тараторил, тем временем, муж. – Хотел тебе на Новый год их подарить, но не выдержал...

Я с ужасом и растущим чувством унижения ощутила, как по щеке прокатилась слеза.

Теплая ладонь мгновенно смахнула ее с моего лица.

– Кариш, ты чего? Настолько рада, что ли?

– Я просто... не ожидала, – призналась сдавленно.

Да уж, и в самом деле не ожидала. Потому что успела себе вообразить совсем другое...

– Ну не плачь, – ласково утешил муж. – Надевай скорее, будет веселее готовить.

Я отвернулась, все еще трясущимися пальцами вынула наушники и кое-как подключила к телефону, едва сознавая, что вообще делаю...

Разочарование все еще жгло грудную клетку, прокатывалось болью по всем уголкам тела... Все, чего хотелось – это чтобы Яша ушел в другую комнату и дал мне возможность просто как-то это пережить наедине с собой... но он, как назло, продолжал стоять рядом.

– Ну что, как звук? – донесся до меня его бодрый голос.

– Отличный, – попыталась откликнуться так же радостно, но вышло откровенно плохо.

На мое счастье, в этот момент у мужа зазвонил телефон.

Взглянув на экран, он, как мне показалось, резко переменялся в лице...

И поспешно вышел из кухни.

Я облегченно выдохнула, позволив все еще режущим глаза слезам беззвучно выйти наружу. Вот ведь дурочка! Так расстраиваться из-за того, что он не сделал мне предложение...

Мы ведь и без этого прекрасно жили!

Муж вернулся в кухню несколько минут спустя. Улыбнулась – уже как-то неестественно, натянуто...

– Кариш, мне уехать надо... по работе. Это срочно.

По его лицу я видела: произошел какой-то форс-мажор. Причем, видимо, весьма серьезный, потому что обычно Яков в любой критической ситуации прекрасно собой владел, а сейчас...

– Что случилось? – спросила встревоженно.

– Я потом объясню, ладно? Нужно выбегать прямо сейчас...

– Ладно, – откликнулась с легким недоумением.

Быстро поцеловав меня в лоб, муж выскочил из кухни, а считанные мгновения спустя за ним захлопнулась входная дверь...

Я попыталась взять себя в руки и снова приняться за готовку, но почти сразу же из колеи меня выбил внезапный вопрос сына, появившегося на пороге кухни...

Не отрываясь от игры, в которую рубился на планшете,

Рома спросил:

– Мам, а что же это за Инга, с которой папа говорил?
Мои внутренности резко обдало холодом.
Я знала по именам всех, кто работал вместе с Яшей.
И никого – по имени Инга.

Глава 2

– Ты о чем это?

Я задала вопрос сыну, пытаюсь сделать так, чтобы голос звучал спокойно и невозмутимо. И сама же ужаснулась этой неудавшейся фальши...

Отчего-то меня начало потряхивать – возможно, просто остаточный эффект от только что пережитого разочарования, но внутри поселилось упрямое беспокойство, предчувствие чего-то дурного, какой-то неясной опасности...

Господи, да я просто сама себя накручиваю! Вместо того, чтобы спокойно во всем разобраться.

– Блииин, проср... – сын запнулся, кинул на меня быстрый взгляд, в котором читалось опасение того, что я заметила, как он едва не выругался, и тут же спешно поправился:

– Проиграл... Что ты сейчас спрашивала, мам?

Вообще-то, стоило бы сделать ему замечание насчет его лексикона, явно неприемлемого для шестилетнего ребенка, но на это сейчас не нашлось сил. Поэтому я просто повторила:

– Ты про какую-то Ингу упомянул...

– А, ну да. Папа сейчас по телефону с ней говорил. Очень так... нервно.

У меня тут же засосало под ложечкой. С трудом натянув на лицо улыбку, я уточнила:

– А что еще ты слышал?

Рома только плечами пожал:

– Ничего. Папа ушел в другую комнату, как только меня заметил...

Мне стало окончательно не по себе, хотя ничего особенного, как казалось, не произошло. Пытаясь не показать нервозность сыну, я снова взялась за шинкование овощей и ровным голосом заметила:

– Ну, папа сказал это что-то по работе... поэтому и уехал срочно.

– А... ну ладно.

Тут же потеряв к теме всякий интерес, Рома вернулся обратно в гостиную, а я замерла с ножом в руках. Жадно вобрав в легкие воздуха, медленно выдохнула и снова вдохнула. Хотелось хоть немного унять охватившую все тело нервную дрожь и поразмыслить спокойно.

Мы с Яшей работали вместе. Он владел интернет-магазином, а я была при нем менеджером, поэтому прекрасно знала, что ни одной Инги у нас в компании не работало. С другой стороны, а с чего я взяла, что он помчался на встречу именно с кем-то из сотрудников? В конце концов, Яша

встречался со многими людьми – магазин постоянно находился в поиске новых поставщиков и партнеров и это вполне могла быть встреча подобного рода. Только почему так поздно и так срочно?

Да и обычно муж посвящал меня в подобные дела, в переговоры по поводу новых направлений для торговли... Но, возможно, все просто произошло очень быстро и требовало срочной встречи?..

Яша наверняка все мне расскажет, когда вернется. И лучшее, что я могла теперь сделать – это взять себя в руки и спокойно доготовить ужин. Конечно, все планы на вечер теперь пошли насмарку, но, вполне вероятно, Яша вернется домой голодным – я знала, как это бывает. За деловым разговором он вечно забывал о еде, даже когда встреча проходила в ресторане.

Пару часов спустя у меня все было готово, а муж так и не вернулся и даже не позвонил. Я старалась не смотреть на часы, а отвлечься на телевизор или соцсети, но взгляд сам собой упирался в неумолимые цифры...

Когда дело пошло уже к двенадцати, я, уложив сына, разочарованного тем, что отец не поговорил с ним перед сном, как это было у них заведено, решила все же набрать номер Яши сама.

Потянулись протяжные гудки – один, второй... а потом на смену им пришли обрывистые – муж попросту сбросил мой звонок.

Чувство тревоги усилилось, но я сказала себе: он, видимо, просто не может сейчас говорить. Возможно, он за рулем и как раз едет домой...

Мои надежды оправдались. Еще спустя примерно час в дверном замке повернулся ключ и я мгновенно бросилась в прихожую встречать мужа...

Его лицо показалось мне... странным. Каким-то отрешенно-растерянным, едва ли не огорченным...

– Встреча прошла не очень? – спросила мягко, подходя к нему ближе.

Он поднял на меня отсутствующий взгляд, через несколько мгновений все же ставший осмысленным...

– Встреча... да нет, все нормально.

– Ты выглядишь... расстроенным.

– Я просто устал.

Он разулся, быстро скинул с себя одежду и прошагал напрямиком в спальню. Я услышала, как под ним скрипнула кровать, на которую он, судя по этому жалобному звуку, скорее упал, чем присел. Чуть помедлив, все же направилась за мужем следом...

– Кушать будешь?

– Нет... я лучше сразу спать.

Он принялся раздеваться, а я пыталась прогнать дурное чувство, так и застрявшее пробкой внутри. Молча любуюсь его обнаженной спиной, игрой мышц, размашистыми движениями сильных рук, когда он резко, спешно сбрасывал с

себя одежду, аккуратно спросила:

– Так ты расскажешь, что была за встреча?

– Да просто новый поставщик.

– И это требовало таких срочных переговоров?

Муж замер на мгновение, словно обдумывал вопрос, потом безразлично пожал плечами:

– Там генеральный директор странная дама, истеричная немного... ну, знаешь, с придурью, в общем. А предложение очень интересное и упускать его не хотелось... она вполне могла и передумать, если бы я не приехал.

– И что они предлагают? Что у них вообще за товар?

– Мебель.

Яша бросил это как-то вскользь, почти безразлично. А я недоуменно моргнула в его обращенную ко мне спину, удивленно переспросила:

– Мебель? Но мы же не торгуем таким габаритным товаром... ты же знаешь, сколько проблем это доставит, сколько нужно будет задействовать дополнительных ресурсов...

Муж обернулся ко мне, мягко улыбнулся...

– Кариш, давай это потом обсудим? Я хочу лечь.

Эта его улыбка, как и всегда, обезоруживала. Притянутая ею, как магнитом, я подошла к мужу, оперлась о матрас, обхватив его колени своими, и, поцеловав за ухом, шепнула:

– Тогда, может... ну...

Его руки мягко, но как-то рассеянно пробежались по моей спине...

– Не сегодня, Кариш... я на самом деле очень устал...

Ссадив меня с себя, Яков лег на кровать, а я так и замерла в той позе, в которой он меня оставил, борясь с очередным разочарованием...

Вообще, я втайне мечтала о втором ребенке, но каждый раз, как пыталась на это намекнуть, муж явно уходил от ответа. Или просто говорил, что сейчас не время...

Но такое, что он не желал со мной даже близости – было впервые. Заметив мое состояние, Яков одним порывистым движением притянул меня к себе и пробормотал:

– Не обижайся, родная. Лучше тоже поспи, ты ведь наверняка устала...

Его забота, его ласковый голос сумели усыпить ворочавшуюся внутри меня тревогу. Вслушиваясь в сильные, мощные удары его сердца под моим ухом, я прикрыла глаза...

Но спустя некоторое время поняла, что ни один из нас так и смог уснуть...

Глава 3

Творилось что-то неладное. Я видела это, чувствовала всей своей кожей, знала на каком-то внутреннем уровне.

За последние несколько дней муж стал совсем нервным, мрачным, неразговорчивым. Все мои вопросы порождали в нем лишь раздражение, даже те, что касались сугубо работы...

На вопрос относительно нового поставщика, который торгует мебелью, он недовольно пояснил, что те передумали с нами сотрудничать. Можно было списать его недовольство на тот факт, что выгодная, как он считал, сделка, сорвалась, но мне чудилось, что за этим крылось что-то еще...

Он становился от меня словно бы... все дальше. Мне порой даже казалось, что муж меня избегает. Все чаще становились случаи, когда он задерживался на работе, или выходил в другую комнату, чтобы поговорить по телефону...

Я понимала, что это ненормально. Но все попытки как-то обсудить происходящее натыкались на его молчание и вечные жалобы на усталость...

– Яш, я тут знаешь, что подумала? – заговорила несколько дней спустя, когда мы с мужем легли в постель.

К сожалению, только для того, чтобы спать. Никакой близости Яков со мной так и не желал...

– Ммм? – промычал он безо всякого интереса, даже не подняв глаза от ноутбука.

Я тайком сделала вдох, сказав себе, что нельзя так просто сдаваться.

– Ты так устаешь в последнее время... да и я чувствую себя немного обессиленной... может, возьмем и уедем куда-нибудь ненадолго? Хотя бы на недельку... В Сочи, например... или в ту же Турцию... Помнишь, мы все в Каппадокию мечтали попасть? Сейчас там как раз не сезон, людей будет поменьше, сможем на воздушных шарах покататься...

Я тараторила и тараторила, готовая к тому, что он в любой момент меня резко оборвет, скажет, что это слишком авантюрная выходка и сейчас вообще не до этого...

Но чего уж я точно не ожидала – это того, что на его лице проступит живая заинтересованность и даже словно бы... облегчение?

Яша даже ноутбук отодвинул в сторону, посмотрел на меня с прежней жизнерадостной улыбкой и все тяжелые мысли мигом отступили: словно его улыбка была лучом света, способным прогнать даже самую страшную тьму...

– А это ведь отличная идея, Кариш, – живо проговорил он, глядя на меня так, будто я предложила ему нечто гениальное.

– Правда? – переспросила неверяще.

– Конечно! Только дело вот в чем... Я с вами поехать, к сожалению, не смогу. Ты же знаешь, что конец года – самая адская пора на работе. Я нужен здесь, а вы с Ромой вполне можете развеяться...

– Мы без тебя никуда не поедem, – категорично замотала я головой. – Мне это не так уж и нужно, я хотела, чтобы отдохнул именно ты...

– А я и отдохну, – улыбнулся ласково муж. – Но попозже. Мы ведь планировали и на новый год куда-нибудь выбратъся... вот тогда и успеется. А сейчас... поезжайте одни. И мне тут будет спокойнее... не буду мучиться угрызениями совести, что внимания вам толком не уделяю сейчас...

Я снова покачала головой:

– Нет, Яш, это неправильно. Тем более, ты сам сказал – работы сейчас навалом... Как же я тебя брошу?

Ладонь мужа вдруг накрыла мою, он притянул к себе мою руку в ласковом игривом жесте, поцеловал костяшки моих пальцев – каждую по отдельности, так чувственно, что по телу пробежала дрожь...

– Ты у меня, конечно, самый ценный сотрудник, но отдыхать тоже надо. Тем более, что ты сама завела разговор об этом... А мы тут справимся, не волнуйся.

Снова ослепительно мне улыбнувшись, муж притянул к себе ноутбук и бескомпромиссно заявил:

– Решено! Беру вам билеты на ближайшие даты!

Я могла бы еще поспорить, но знала, что это бесполезно. И все, что мне оставалось – это молча бороться с предательским ощущением, что муж просто хотел от нас избавиться...

Но эти мысли я решительно прогнала. В целом, это было так похоже на Яшу: брать все в свои руки, организовывать все самостоятельно, отвечать за всех и каждого...

За это я его и любила. И об этом и стоило помнить.

Пару дней спустя я металась по дому, разрываясь между работой и необходимостью собирать вещи в поездку. Телефон был зажат у меня между плечом и ухом, а руками я спешно сортировала одежду: это постирать, это погладить, это можно сразу в чемодан...

Звонок в дверь прозвучал неожиданно и резко, даже тре-

бовательно.

– Светлан, я вам перезвоню, – проговорила в динамик нашему бухгалтеру, мысленно гадая: кого могло принести к нам домой в середине рабочего дня?

Положив свитер сына в чемодан, я направилась к двери и, не задумываясь, ее открыла.

На пороге обнаружилась незнакомая, но, стоило отдать должное – ухоженная и эффектная блондинка.

Я вежливо улыбнулась:

– Здравствуйте. А вы к кому?

Она окинула меня ответным изучающим взглядом, от чего я почувствовала себя в привычной домашней одежде какой-то замухрышкой, и неторопливо, словно бы смакуя каждое слово, ответила:

– К Якову.

Я краем сознания отметила, что это весьма странно. Муж всегда тщательно разделял работу и дом и никогда не приглашал домой никого из посторонних...

А по какой еще причине, кроме рабочей, к нам могла зайти эта женщина – я и не представляла.

– Его дома нет, – ответила я сдержанно-сухо. – А вы к нему по какому вопросу?

Она вновь смерила меня взглядом с головы до пят: на этот раз снисходительным, даже словно бы сочувствующим...

– По личному. Могу я войти?

– Не думаю, что это хорошая иде...

Но она даже дослушивать меня не стала. Нагло протиснулась в квартиру, огляделась в прихожей с самоуверенным, почти хозяйским видом...

Сделала было шаг вперед, явно желая продолжить осмотр квартиры, но я, возмущенная подобным поведением, встала у нее на пути и уже без особой тактичности поинтересовалась:

– А вы, собственно, кто?

Она растянула пухлые губы в улыбке – и в этом жесте читалось нескрываемое превосходство...

Из моих легких словно весь воздух выбили, когда она вдруг произнесла – как ударила:

– Я – Инга. Его жена. Законная.

Она с особым удовольствием подчеркнула последнее слово...

Глава 4

– Это что... шутка какая-то?..

Я неуверенно, но демонстративно хихикнула. Театрально огляделась по сторонам, делая вид, что ожидаю, будто из-за спины этой Инги кто-то выскочит и, рассмеявшись, скажет, что все это – просто розыгрыш...

– Это не смешно, – наконец отрезала я сухо.

– А я даже не улыбаюсь, – последовал спокойный ответ.

Больше всего меня пугала уверенность, с которой она го-

ворила и держалась. А еще... это имя...

Инга, Инга, Инга, – выбивал невидимый колокол у меня в голове по кругу, грозя свести с ума.

Показалось, что я слышала это имя раньше. Еще до того, как его упомянул на днях сын. Гораздо, гораздо раньше... но откуда?..

Инга, между тем, внимательно осматривала доступную ее взгляду часть квартиры – так, словно была придирчивой покупательницей...

– Довольно уютно, – наконец заключила она. – Но эти обои в цветочек – жуткая пошлость, прошлый век... Их стоит сменить...

– Что вы себе позволяете? – мигом вспыхнула я. – Заявляйтесь сюда, как к себе домой, несете какую-то ерунду и еще смеете критиковать МОИ обои в МОЕМ же доме?!

И снова эта улыбка: покровительственная, снисходительная...

– Но это не ваш дом, Карина. А мой.

Эти слова окончательно переполнили чашу моего терпения. Двинувшись к ней, я отчеканила:

– Вы сумасшедшая. Это точно. Так что, будьте любезны, выйдите вон, пока я вас силой не вытолкала...

Эта угроза ничуть ее не обеспокоила. Окинув меня критическим взглядом, она заключила:

– Ну да, вы помощнее меня будете...

Это завуалированное оскорбление, призванное подчерк-

нуть, что я вешу явно большее нее, заставило меня на миг задохнуться. Этим она и воспользовалась, чтобы сочувствующе сказать:

– Значит, Яков вам про меня ничего не рассказывал...

Я вспомнила то, что она недавно сказала: будто она – его законная жена. Какой бред! Этого просто быть никак не могло!

– А почему должен был?

Она покачала головой, будто сетуя на мою глупость или невнимательность.

– Потому что я – его жена.

Собрав последние силы, я рассмеялась ей прямо в лицо:

– Жена Яши – я.

Она фыркнула:

– Вы – не более, чем сожительница, Карина. А я – единственная законная.

Она произносила все это твердо и спокойно, полностью убежденная в своей правоте. Голова у меня закружилась от мысли, что она знала и такие интимные детали, как то, что мы с Яковым были официально не расписаны...

– Впрочем, я полагала, что вы мне не поверите, – добавила она размеренно и распахнула сумочку, выискивая там что-то...

Наконец в ее руках оказался паспорт и меня замутило от предчувствия того, что я сейчас могу увидеть...

Раскрыв документ на нужной странице, она поднесла его

к самому моему носу и прокомментировала:

– Вот, пожалуйста. Можете убедиться.

Перед глазами у меня все заплесало, сознание помутилось... но я все равно рассмотрела печать и вписанное в нее имя...

«Зарегистрирован брак с гражданином Отрадным Я.В...
26 июня 2007 года...»

Я нервно сглотнула, попыталась возразить:

– Это может быть просто однофамилец...

И сама почувствовала, как жалко, как глупо это прозвучало...

– Вы же сами в это не верите, Карина, – заметила Инга с сочувствием – искренним ли? Фальшивым ли?.. Мне, в общем-то, было абсолютно все равно...

– Чего вы хотите? – спросила голосом настолько мертвым, что сама себя не узнала.

– О, всего лишь оценить состояние квартиры. Видите ли, я решила, что нам с Яковом все же пора официально развестись и, как понимаете, в этом случае...

Кровь бросилась мне в лицо. Накинувшись на женщину, я стала с силой выталкивать ее прочь. Из рта нечеловеческим ревом вырывалось:

– Вон отсюда! Вон! Прочь!

Она больше не сопротивлялась. Я захлопнула за ней дверь, закрыла ее на все замки, словно та могла как-то проникнуть обратно и ощущая, как меня трясет, кинулась было

на кухню, но споткнулась о забытый чемодан и упала...

Не в силах подняться, уткнувшись носом в холодный пол, я даже не зарыдала – заревела раненым зверем...

Внутри стояла такая адская боль, что невозможно было дышать. Перемежая дикие звуки жадным захватом ртом воздуха, я пыталась сделать сейчас только одно...

Выжить.

В этом моменте здесь и сейчас – просто выжить. Хотя за чем, для чего?..

Все, что означала открывшаяся мне правда, все последствия того, что сказала эта Инга, еще не дошли полностью до сознания, еще не обрушились на мою голову пониманием всех грядущих проблем и лишений...

Но уже сейчас я ощущала со всей ясностью: моя жизнь разрушена. Все, во что я верила и для чего жила – рухнуло в одночасье...

А перед глазами, словно выжженная теперь навечно на радужке, так и стояла надпись:

«Заклучен брак...»

Меня накрыло новым приступом рыдания. Чудовищным чувством потери...

Сколь же многое объясняла эта одна-единственная надпись...

Глава 5

Несколько лет назад

Я тоненько взвыла и выругалась про себя, в очередной раз споткнувшись о коробку в прихожей и следом ударившись бедром о тумбочку, и только чудом не повалив на пол детскую коляску...

С этим решительно пора было что-то делать. Моя однокомнатная квартира уже катастрофически не вмещала всех вещей, что появились здесь с того момента, как мы с Яковом стали жить вместе, а уж после появления сына дом и вовсе стал напоминать какой-то склад...

Уже негде было поместить всю имевшуюся одежду. А новый шкаф, который можно было в теории приобрести, было попросту некуда поставить...

И как я ни изворачивалась, стараясь разместить вещи в доме как можно компактнее, тщетность всех этих попыток стала окончательно ясна с появлением у нас сына. Детские вещи, коляска, игрушки – все это занимало кучу места, которого и без того не хватало. И жить дальше в условиях, когда не всегда удавалось найти в доме нужную вещь, было уже попросту невыносимо.

– Яш, поговорить надо, – выдохнула я устало, вставая прямо перед мужем, который в этот момент возился с сыном.

Я так любила смотреть на них двоих в такие моменты...

Я обожала Якова, который ворвался ураганом в мой скучный и серый до него мир, расцветив тот такими яркими эмо-

циями, на какие я прежде считала себя попросту неспособной...

Казалось, любить его сильнее уже просто невозможно, но выяснилось, что сердце способно выбивать какой-то особый, сакральный ритм при виде того, как любимый муж держит на руках нашего сына, качает его в объятиях, и с каким обожанием он на него смотрит...

Это было такое простое, на первый взгляд, счастье, но самое важное на свете. Глядя на мужа и сына, я понимала, для чего живу сама на этом свете. И поражалась тому, что когда-то видела смысл совсем в ином...

– Наша мама, кажется, чем-то недовольна, – проворковал муж, обращаясь к сыну, на что тот только радостно рассмеялся, а потом Яков поднял свои невозможно ласковые глаза на меня и уточнил:

– Что случилось, Кариш?

Я на миг забыла, как дышать. Ну почему он был такой красивый? Во всяком случае, для меня. С первого же взгляда в эти глаза, излучавшие, как казалось, какой-то внутренний свет, что-то в груди у меня безнадежно треснуло, заныло, потянулось к нему...

И я поняла: это пошла трещинами бронь, в которую я себя заковала. Вот так легко и просто, за одно лишь мгновение, многолетняя защита просто рассыпалась на части... но это было лучшим, что произошло со мной за всю жизнь.

– Я так больше не могу, – проговорила в ответ, не без тру-

да вернувшись мыслями к насущному вопросу.

– Ты нас бросаешь?! – шутливо ужаснулся муж и, скорчив рожицу сыну, спросил Ромку:

– Нет, ну ты представляешь?!

Я сделала вдох, стараясь не растаять от того, что видела и все-таки как-то настоять на решении давно назревшего вопроса.

– Не смешно, Яш.

Я выразительно потерла отбитое уже не в первый раз бедро и твердо продолжила:

– Надо что-то делать с жильем. Мы втроем тут уже давно не помещаемся! И это Ромке сейчас только год, а что будет дальше? Скоро ему понадобятся всякие санки, лыжи, велосипеды, куча новой обуви и одежды... а где это все хранить?! Я больше не могу спотыкаться о вещи на каждом шагу, рискуя получить травму прямо у себя дома! Или и того хуже – постоянно бояться, что на Рому что-нибудь свалится!

Вся эта моя пылкая речь Якова явно не обрадовала. Он и прежде избегал разговоров о том, чтобы обзавестись жильем попросторней, но на сей раз я намеревалась добиться от него какого-то конкретного ответа и решения.

Отведя взгляд в сторону, рассеянно поглаживая по сына по животу, он, наконец, откликнулся с тяжелым вздохом:

– Кариш, милая, но ты же знаешь, что мы пока ничего не можем с этим поделать. Я вложил все деньги в магазин, и в ближайший год, с учетом всех наших трат, мы вряд ли

накопим хотя бы даже на первоначальный взнос, если брать жилье в ипотеку... Нужно потерпеть пока что, ты же сама понимаешь...

Я шумно, с досадой выдохнула, давая понять, что терпеть дальше категорически не намерена.

Он задумчиво нахмурился, становясь вмиг таким серьезным, что в подобные моменты мне казалось, что моего солнечного и жизнерадостного мужа мне попросту подменили...

– Ладно, – произнес Яков после некоторых раздумий. – Ну хочешь, будем снимать другую квартиру, побольше? А эту можем сдавать, чтобы как-то возместить стоимость аренды новой...

Я уставилась на него со всем возможным осуждением, обвела рукой забитую вещами комнату...

– Нам только не хватало с ребенком и всем этим добром скитаться по съемным квартирам! Ты хоть понимаешь, как сложно это все собирать, упаковывать, перевозить? А если переезжать придется не раз?

Муж сложил руки на груди, терпеливо взглянул на меня и уточнил:

– Ну и что ты предлагаешь?

Я улыбнулась:

– С этого вопроса и стоило начать.

Он вопросительно выгнул бровь, снова растянул губы в этой невозможно-обаятельной улыбке...

– Похоже, у моей умницы-жены есть какой-то план.

Я кивнула, с трудом заставив себя не улыбнуться в ответ, что могло меня сейчас только сбить с толку...

– Да. Я много думала об этом... И пришла к мысли: мы ведь можем продать эту квартиру. Вот и будут деньги на первоначальный взнос. Мы сможем взять в ипотеку как минимум двушку или даже трешку, если решимся жить где-нибудь в новостроящемся районе...

Муж посмотрел на меня внимательно, очень серьезно сказал:

– Но это ведь твоя квартира, Кариш. Тебе не жалко ее продавать?

В глубине души мне, конечно, было жаль. Эту квартиру мне когда-то помогли купить родители, продав более старую, оставшуюся от бабушки, и я сама еще некоторое время платила по ней ипотеку, отчего, конечно, испытывала к этому жилью особые чувства...

Но я ведь теперь была не одна. И нужно было думать о том, чтобы всем нам, одной семье, было комфортно и хорошо.

– Я готова ее продать, – отрезала решительно.

Яков снова погрузился в размышления, и на лице его ясно отражалась какая-то тяжелая внутренняя борьба...

В итоге он осторожно произнес:

– Родная, а ты понимаешь, что оформить ипотеку мы сможем только на меня? Тебе ее не дадут, потому что ты сейчас

не работаешь...

– Понимаю.

На его лице заиграли желваки, он сглотнул, но все же продолжил:

– И то, что прав у тебя на новую квартиру не будет юридически, так как мы не женаты, ты тоже понимаешь?

Я едва не выпалила: ну так, может, это неплохой повод официально зарегистрироваться?!

Но сдержалась.

Мы уже давно решили, что официальный брак для нас совсем не важен. Глядя на своих родителей, я вовсе не стремилась к штампу в паспорте, да и Яков на вопросы друзей и знакомых о том, когда мы уже позовем их погулять на свадьбе, шутливо говорил, что с учетом того количества родственников и прочих близких, что у нас имелось, это будет слишком дорогое мероприятие, которое нас попросту разорит...

Поэтому данную тему мы никогда больше не обсуждали.

Но сейчас я ожидала, что он, быть может, все же решится...

Но нет.

И мне не осталось ничего иного, кроме как пошутить:

– А ты что, собираешься кинуть нас с Ромкой?

Я рассмеялась, подчеркивая факт того, что никогда не поверю, будто муж на такое способен. Но Яков при этом остался сосредоточен, даже хмур. Проговорил твердо:

– Нет, конечно.

Я поразилась тому, как серьезно он воспринял мой вопрос.

– Да я и не думала...

Муж порывисто поднялся со своего места, подхватив сына одной рукой, а второй притянул меня к себе...

– Ладно, будь по-твоему, Кариш. Будет тебе новая квартира...

Глава 6

Тик-так. Тик-так...

Тук-тук. Тук-тук...

Вдох. Выдох. Вдох.

Я жива?.. Я дышу?..

Первыми в сознание ворвались звуки. Тиканье часов. Стук собственного сердца. Надсадное, отчаянное дыхание...

Следом как-то удалось раскрыть ставшие тяжелыми, буквально каменными, веки.

Холодно. Холодно телу, по коже бегут мурашки. Но что еще хуже – душу охватил практически арктический лед.

Взгляд уперся в настенные часы на кухне. Как озарение молнии: почти пять вечера!

Сын...

Вдох... выдох... вдох. С губ сорвался мучительный стон, но мне как-то удалось встать на четвереньки, а потом – на ноги...

Ощущение, что не владею даже собственным телом. На проснувшееся сознание разом обрушилось все: понимание обмана... предательства... тяжелой ситуации, в которой, видимо, я останусь без всего...

Да что там я? Сын...

Захотелось плакать. Пожалеть себя. Свою глупость, наивность, бесконечное доверие и слепую любовь...

Изнутри поднялся протест: разве он мог так? А может, неправда? А может, все не так?..

Конечно, нужно было поговорить с Яковом. Разве не ему мне следовало доверять, не его слова должны были стать важнее чьих-то чужих наветов?..

Ведь не мог же он жить на две семьи все это время! Не мог! Не мог спать рядом каждую ночь, вступать со мной в близость, так обожать сына, если мы у него были не единственные?..

Или мог?..

Столько путанных, тяжелых вопросов... а в качестве ответа только печать в паспорте другой женщины... Печать с вписанным в нее именем.

Именем моего мужа. Или не моего?..

На трясущихся ногах я дошла до ванны. Ополоснула лицо холодной водой, стерла с лица разводы туши... И, из последних сил выпрямив спину и гордо расправив плечи, я прошла в прихожую, накинула пуховик и вышла из дома.

– Тебе уж звонить хотели.

Сын буркнул эти слова, едва заведя меня в двери сада.

Я шагнула ему навстречу, прижала к себе так сильно, как никогда прежде, желая почувствовать его живительное тепло, что единственное могло сейчас удержать меня на краю пропасти, у которой зависла одной ногой...

– Мам, задушишь... же... нууу...

Ромка недовольно заворочался в моих объятиях и я неохотно расцепила руки. Сын вгляделся в мое лицо, в этот момент так поразительно напоминая собой отца, что из глаз невольно едва не брызнули слезы.

– Мам, случилось чего? – испуганно уточнил мой ребенок.

Я судорожно втянула в себя воздух. Было так сложно просто держаться на подгибающихся ногах, но ради Ромки стоило быть сильной...

Тем более, что еще ничего было до конца неясно.

И вместе с тем – в глубине души мне было ясно уже все.

– Все нормально, – ответила, мучительно растягивая непослушные, потрескавшиеся от этого усилия, губы, в дрожащей улыбке. – Просто по работе... замучили.

– Да у вас вечно на работе фигня какая-то, – проворчал Рома. – Но такой я тебя еще не видел.

Я невольно хмыкнула. До этого момента мне казалось, что удастся хоть как-то держать лицо... но, видимо, я заблуждалась.

– Сегодня особенно... тяжелый день, – ответила сыну и практически при этом не соврала.

Худший день в моей жизни.

– Пойдем домой, – предложила, беря его за руку.

Короткое слово «домой», вырвавшееся из собственных уст, больно ударило по нервам. А был ли он у нас, этот дом?.. Или все то, во что я вложила столько сил, любви и, наконец, денег, мне не принадлежало ни на метр?..

– Ну... ладно, – откликнулся Ромка, явно недовольный моим объяснением.

Мы вышли на улицу. Дороги были засыпаны недавно выпавшим снегом, и сейчас еще мягкими хлопьями опускавшимся на обледеневшую землю. С каждым выдохом изо рта вырывалось облако пара, растворяясь в стилом декабрьском воздухе. Мерзли руки, щеки, мерзла... душа. Леденела от понимания, что мир треснул напополам и ничего уже не будет так, как прежде.

– Мам, а чего чемодан не собран? – поинтересовался Ромка, когда мы вошли в квартиру.

Я следом за ним взглянула на все еще распластанный на полу чемодан, который собирала словно бы еще в иной, уже не принадлежащей мне, жизни...

– Ром, мы, наверно, никуда не поедем. Возникли некоторые проблемы...

– Ну как так-то? – протянул сын разочарованно.

– Слушай, как папа придет – мы с ним все обсудим и будет

видно.

Я вдруг поняла, что если все то, что сказала мне эта Инга – правда, то у меня вскоре не будет даже работы. Не будет вообще ничего...

– И ужина нет? – донеслось с кухни, куда сын прошлепал в первую очередь.

– Прости, Ром, я... не успела. Закажу пиццу, пойдет?

– Годится.

С трудом заставляя себя сосредотчиться на меню пиццерии, я покидала в корзину все, что обычно любил сын. И настал самый страшный момент: ожидание...

С каждой минутой, приближающей обычное время возвращения с работы Якова, сердце в груди билось все тяжелее, надрывнее, тревожнее...

Я не могла сосредотчиться ни на чем. Понимание, что следующий час решит буквально всю мою жизнь, давило и дестабилизировало...

И вот наконец – звук поворачиваемого в замке ключа.

Я не вышла ему навстречу. Пытаясь просто дышать, просто жить, мраморной статуей застыла посреди кухни, дожидаясь, когда он подойдет сам...

– Кариш, а что у нас за бардак творится? – поинтересовался муж, проходя в кухню и кивая в сторону прихожей. – И ужин не готов... – добавил следом, кинув взгляд на холодную, пустую плиту.

Я сама поразилась тому спокойствию, с которым прозвуч-

чал мой голос, когда парировала:

– Действительно, что за бардак у нас творится, Яков?

Он взглянул мне в лицо и красивые черты исказила тревога... за которой стояло нечто большее. Чувство вины?..

Мои призрачные надежды, что все неправда, что всему есть разумное объяснение, стремительно таяли при виде того, как он отводит в сторону глаза...

– Покажи мне свой паспорт, – потребовала холодно, хотя внутренности охватил адский пожар.

– Что? – переспросил он удивленно. – Зачем, Кариш?

– Покажи мне свой чертов паспорт!

Крик ударил по стенам кухни, отскочил от них, взметнувшись к потолку и перейдя в дрожащее крещендо...

Яков вздрогнул.

А я... все окончательно поняла.

Глава 7

Повисла тишина. Тяжелая, давящая, безнадежная.

Яков молчал. Не двигался. Лишь смотрел на меня, но, вероятно, даже и не видел, будто меня и вовсе не было.

А я – смотрела на него. На его лицо, вдруг ставшее замкнутым, мрачным, что делало его в этот миг совершенно не похожим на себя самого, практически незнакомцем.

В голове тревожно забилась мысль: а знала ли я его по-настоящему хоть когда-нибудь?..

Воображала ведь, что знаю каждую его черту, точку, самую мелкую родинку. А оказалось, что никогда не знала главного – его души. Его мыслей...

И все это делало нашу совместную долгую жизнь какой-то призрачной, почти ненастоящей.

– Паспорт, – напредила я каркающим голосом – хриплым, срывающимся, противным мне самой.

Яков вздрогнул, моргнул, словно очнувшись от забытья. Его взгляд наконец прояснился, он зябко повел плечами...

Было видно: он совсем не ожидал подобного приема по возвращении домой. Ни этого крика, ни этого требования...

Но и я не ожидала однажды узнать, что мой муж давно женат и вовсе не на мне, а наша квартира принадлежит кому угодно, но только не мне и сыну.

Тряхнув головой, муж наконец проговорил:

– Карин, я не понимаю... зачем это все?

«Карин»... эта форма имени, такая непривычная в его устах, резала слух. Резала саму душу. И вместе с тем – словно бы сигнализировала, что точка невозврата действительно пройдена. Что все изменилось – резко и безвозвратно.

– Я тоже много чего не понимаю. Поэтому покажи наконец мне этот паспорт!

Его попытка сбить градус разговора, отвлечь ненужными вопросами, выдавала его вину куда больше, чем все остальное, разжигая внутри раздражение и досаду.

– Сначала успокойся и объясни, что случилось, – произнес

он так размеренно, что этот тон, резко контрастировавший с тем, что творилось у меня внутри, породил лишь взрыв.

– Хорошо, я найду сама, – бросила сквозь зубы, направившись в прихожую.

И тут же поняла, что даже не знаю, носит ли он с собой паспорт. Где его хранит? Всякими организационными моментами муж всегда занимался сам – оформлением документов, покупкой билетов для поездок, а у меня попросту не было необходимости лезть к нему в паспорт и что-то проверять...

Я ему верила. Чертова идиотка.

Я протянула руки к его куртке, пошарила по карманам и ничего не нашла. Огляделась, увидела кейс, аккуратно прислоненный к спинке небольшого диванчика, схватила его и раскрыла...

Паспорт был там. Яков было дернулся ко мне, чтобы помешать, но в последний момент, будто смирившись с неизбежным, застыл с так и протянутой навстречу рукой...

Руки дрожали, когда я спешно, без лишних слов, словно боясь передумать, открыла документ на нужной странице...

Конечно, такого шока, как в тот момент, когда ко мне заявила Инга, уже не было. Но в груди все равно что-то пошло трещинами, когда я увидела уже знакомую печать:

«Зарегистрирован брак...»

Отбросив от себя паспорт, как нечто мерзкое и ядовитое, я отвернулась. Сделала вдох, прикрыла глаза, пытаюсь обре-

сти спокойствие, которого не было и быть в такой ситуации не могло...

Яков тоже молчал. Молчал, как обреченный на казнь и даже не пытавшийся оправдаться преступник.

– Ничего объяснить не хочешь? – спросила наконец, устав от гнетущей тишины, от понимания, что ему даже нечего сказать.

– Ты все видела сама.

Его голос звучал безо всякого выражения, без малейшей эмоции.

Я резко обернулась к нему: недоумевающая, возмущенная тем, что он даже не считает нужным попросить прощения, объясниться...

Господи! Да он, живя со мной все эти годы, считал меня такой дурой, что даже не подумал поменять паспорт! И надо было признать – именно дурой я и была.

Иначе не лишилась бы всего, продав единственную квартиру и вручив свою жизнь и жизнь сына тому, кто был мне по закону никем.

Как бы горько это ни звучало, но факт.

– Вопрос в том, почему я не видела этого раньше.

Он поднял на меня глаза, и проблеск сожаления в них резанул по сердцу болью. Неужели все вот так и закончится – больно, нелепо, внезапно?..

Его упрямое молчание ранило. Желая получить хоть какую-то реакцию, я резко замахнулась и со всей силой той

обиды и боли, что чувствовала, ударила его по щеке...

Его голова мотнулась в сторону, сквозь сжатую челюсть вырвался свистящий выдох...

– Я имела право знать! Господи...

Его непробиваемость убивала. Схватившись за голову, я растерла ладонями и без того горящие щеки, ощущая, как по ним течет что-то обжигающее, соленое...

– Я тебе столько лет отдала... Жизнь отдала. Родила сына, воображая, что у нас семья, что я – жена, хоть и не по документам... а оказалось, что я... Кто я тебе, Яков? Никто?

– Я этого не планировал.

Он говорил отстраненно, почти безразлично, и это ранило сильнее всего.

– Не планировал чего? Того, что твоя настоящая жена заявит сюда и все расскажет?

– Тебя... не планировал. Сына...

Казалось, сильнее ранить было уже невозможно, но ему это удалось. Того, что мы с Ромой в его жизни вообще лишние, я услышать точно не ожидала.

Не обращая внимания на продолжавшие течь самопроизвольно слезы, я метнулась в нашу с Яковом спальню и, достав из просторного шкафа, о котором так когда-то мечтала, чемодан, стала бросать туда все вещи мужа, что только попадались под руку.

Его пальцы резко и неожиданно сомкнулись на моем запястье, он с силой дернул меня на себя, и, подавляя сопро-

тивление, прижал к груди...

– Ты не дослушала. Я не планировал вас в своей жизни, но вы стали лучшим, что в ней было.

Я слышала, как громко, быстро, надрывно колотится в груди его сердце, выдавая истинный непокой и небезразличие. Так же, как было сейчас и со мной.

– Ты должен был сказать, – повторила глухо. – Когда я забеременела. Когда продавала квартиру. Когда ты свои фальшивые обещания давал!

Я резко вырвалась из его объятий, запустила руку в волосы, до боли их сжала...

– Пятнадцать лет! Ты женат уже пятнадцать лет! Ты виделся с ней все эти годы, что мы были вместе? Жил на две стороны? Что вообще происходило, Яков, в то время, как я думала, что у нас настоящая семья?!

Вопросов было много, все они не помещались в голове, путались, мысли спотыкались одна о другую, пытаюсь опередить друг друга...

– У нас и есть настоящая семья, – проговорил он после паузы.

– Нет, – качнула головой яростно. – В настоящей семье люди честны друг с другом. Они не скрывают такие вещи! Я же тебе верила, понимаешь? Верила! Никогда не лезла в твои телефоны, документы, вещи... А чем ты на это ответил? Ты же нас с Ромой оставил буквально без всего!

Он нахмурился:

– Что ты имеешь в виду?

– Эта твоя Инга приходила сюда, чтобы посмотреть квартиру. Которая, как она заявила, принадлежит ей. Квартира, которую мы купили, продав мою собственную!

Его лицо снова сделалось отстраненным, чужим. Не своим голосом он спросил:

– Ты меня считаешь... вот таким? Способным так с вами поступить?

С моих губ сорвался горький, резкий смешок.

– Я, как выяснилось, вообще не знаю, кто ты такой. Может, у тебя вообще гарем? И еще сотня дурочек продали свои квартиры и где-то сидят сейчас без всего, зато радостно воображая себя твоими женами?

Его лицо исказилось, перекосилось. Внутри меня все отчаянно болело, билось, умирало. Мне хотелось очень простой вещи: чтобы он нормально все объяснил. Чтобы убедил, что мы с Ромой в его жизни – не какое-то пустое место...

Но вместо этого он отвернулся к двери, коротко сказав:

– Вряд ли у нас сейчас получится нормальный диалог...

По моим венам пробежал холодок. Удивляясь собственной решимости, я отчеканила:

– Или ты все объяснишь сейчас же или выходишь в эту дверь и встретимся мы в следующий раз уже только в суде. Выбирай.

Глава 8

Яков застыл.

Я видела, как напряглась его спина, как руки сжались в кулаки, выдавая то ли раздражение, то ли решимость.

Он развернулся ко мне: медленно, как-то механически, словно и не живой вовсе.

– Ты же несерьезно это? – уточнил севшим, ставшим вдруг незнакомо-скрипучим голосом.

Я жадно глотнула воздух полной грудью, пытаюсь унять беспорядочно скачущие мысли.

– А ты – серьезно? – парировала в ответ и кончик языка едва не щипало от горечи, которой было не скрыть, да я и не пыталась. – Выясняется внезапно, что у тебя есть так называемая законная жена, которая претендует на нашу квартиру, а ты не считаешь нужным ничего объяснить и собираешься вот так просто, спокойно уйти?!

– Я просто не хочу ругаться.

– Тогда надо было давно уже все рассказать! А сейчас не ругаться – уже не выйдет! Ты же как минимум обманул меня, и бог знает, что еще там у тебя на уме на самом деле!

Яков открыл было рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент дверь распахнулась и в проеме показалась лохматая черноволосая макушка сына.

– Вы чего кричите? – спросил он обеспокоенно.

Я заметила, как Ромка крепко прижимает к себе неизменный планшет, словно тот сейчас был его спасением и ориентиром в этой ситуации, когда между родителями происходи-

ло что-то странное, ранее ему непривычное.

Яков нашелся с ответом первым.

– Просто поспорили, что вам стоит взять с собой в поездку, – солгал спокойно и меня неожиданно замутило.

Как же ловко у него это, оказывается, выходило! Вот и мне он так же врал много лет подряд, называя женой, говоря, что у нас настоящая семья...

Я отвернулась, начиная для вида что-то искать в шкафу.

– Да, все хорошо, сынок, – проговорила, надеясь, что голос не выдаст. – Иди к себе.

Некоторое время еще чувствовала: сын неловко мнется на пороге, явно до конца не веря тому, в чем его пытались убедить. Но вот дверь скрипнула, тихо притворившись, и я с прерывистым вдохом обернулась к мужу.

– Кстати, о поездке. Ты для этого нас пытаешься сбегать в Турцию? Чтобы тут... со своей этой Ингой встречаться? Или чем там еще ты намеревался с ней заниматься?

Я говорила быстро, зло, резко, каждым словом желая задеть, ранить, зацепить. И вместе с тем, в глубине души отчаянно желая, чтобы он возразил, переубедил, поспорил...

Но раньше, чем изо рта Якова вырвалось хоть слово, я уже заметила его взгляд. Неловкий, стыдливый, виноватый...

– Карин, ну ты что говоришь такое? – откликнулся вяло, словно и сам до конца не был уверен в том, что нужно возражать.

– А что еще мне говорить? Что думать? Тем более, что ты

не торопишься что-либо объяснять!

Я изо всех сил старалась не переходить на крик, чтобы не пугать сына, но нотки истерики порой еще прорывались, выдавая волнами набегавшее на душу отчаяние.

Яков шагнул к кровати, упал на нее, точно разом лишившись всех сил, и, закрыв лицо руками, отчего голос его звучал глухо, проговорил:

– Не знаю, с чего начать... просто... спрашивай. Что хочешь...

– Ты жил с нами обеими? Спал одновременно?

Он резко вскинулся:

– Нет, конечно! Карин, ну ради всего святого, я же каждую ночь дома был, нигде не задерживался...

– ...и старательно прятал паспорт, – закончила за него, не скрывая сарказма.

– Я боялся.

– Но так ведь невозможно прожить всю жизнь, скрывая такие вещи! А если бы с тобой что-то случилось?! Ты об этом подумал?! С чем бы мы с Ромой остались?!

Он мотнул головой, как оглушенный выстрелом медведь, твердо возразил:

– Я о вас позаботился...

– Пока я вижу, что все совсем наоборот. Ладно... и что, ты с ней виделся вообще за эти годы? Кроме того раза, когда солгал мне, что поехал на срочную встречу якобы с поставщиком!

Он вновь виновато опустил голову, ответил – как показалось, вполне честно:

– В основном только говорил по телефону.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь уложить в голове всю полученную новую информацию. Но ее по-прежнему было мало. И ничего из сказанного не объясняло главного...

– Раз ты с ней не был... – проговорила, зачем-то тщательно подбирая каждое слово, словно от верно подобранной формулировки зависела моя жизнь, – то почему не развелся? Почему не признался мне в том, что женат?

И снова – чувство вины, что пропитало собой, кажется, весь его облик. Черты лица, сгорбленная поза, нервно сцепленные руки – во всем этом считалась мука и... понимание неизбежности, суть которой была известна сейчас лишь ему одному.

– Поначалу мы расстались лишь на время... не окончательно, – начал он говорить, и с первых же его слов мне вдруг стало подспудно ясно, что именно я услышу дальше...

Девять лет назад

Он едва передвигал ноги.

После ночной смены они казались непослушными, неподъемными, как две огромные гири, словно бы и не ему

даже принадлежавшими.

От понимания, что у него есть буквально час на то, чтобы переодеться, поесть и принять душ перед походом на вторую работу, хотелось выть. Но он лишь упрямо сжимал челюсти и шел. Вперед, вперед... шаг за шагом, шаг за шагом...

Потому что знал, к кому и зачем идет. Образ жены – красивый, утонченный, изящный – придавал ему сил тогда, когда, как казалось, не способен уже ни на что, только лечь и умереть. Но она вела его вперед, мотивировала, давала сил жить тогда, когда их едва хватало на вдох...

Ради нее он убивался на нескольких работах разом, хватался за любые возможности подзаработать. Хотел сделать то, что обещал ей когда-то: дать жизнь, которую она заслуживала. Старался изо дня в день доказывать: она не зря выбрала именно его тогда, шесть лет назад...

А ведь могла только поманить пальцем – и получила бы абсолютно любого. Он никогда не забывал об этом, не уставая завоевывать ее изо дня в день...

– Любимая, я дома! – крикнул буквально с порога, едва войдя в скромную квартирку, которую они снимали вот уже пару лет.

Ответная тишина его встревожила. Спешно разувшись, он широким, размашистым шагом прошагал сначала на кухню, где, ожидаемо, не нашел жену.

Готовить она никогда не любила, да и не успевала. Он – не заставлял, чаще всего довольствуясь пельменями на скорую

руку и одним тем фактом, что она просто была рядом. И это главное.

Жена обнаружилась в итоге в спальне, за столом. Когда он вошел – посмотрела на него так серьезно, что это даже пугало и вместе с тем... вызывало желание зацеловать ее. И целовать до тех пор, пока на ее лицо не вернется мягкая улыбка, пока не услышит ее прекрасный смех...

Так он и сделал. Подойдя к ней, приобнял сзади, наклонился, чтобы поцеловать...

Но она неожиданно увернулась.

Обиженный, недоумевающий, он выпрямился и, глядя на ее застывший затылок, уточнил:

– Родная, что такое? Я в чем-то провинился?

Последнее попытался сказать легко и шутливо, но вышло, кажется, плохо. Инга не хуже него знала, как он боялся ее обидеть, потому что страшился потерять буквально до трясушки...

– Нам поговорить надо, Яш.

Голос – сухой и отстраненный, начисто лишенный привычной ласки и мягкости.

– Ого, как все серьезно... значит, все-таки провинился, – снова попытался пошутить.

– Все и в самом деле серьезно.

Ее тон ясно подтверждал сказанные ею слова. Он отошел, нашел на ощупь стул у другого конца стола и, не отрывая глаз от ее лица, сел.

– Ну говори.

Она твердо взглянула ему в глаза и, словно топором по голове приложив, выдала:

– Я уезжаю, Яш. Мне предложили контракт за границей.

Он моргнул, словно оглушенный, дезориентированный...

– Ладно... – наконец нашел сил выдохнуть. – Давай обсудим это...

– А нечего обсуждать. Я уже все решила. Для меня важно состояться, как модель, и это шанс, который я упустить не могу.

Он непонимающе уставился на нее, не веря собственным ушам.

– Решила все... без меня?..

Она отвела глаза в сторону, потом вновь взглянула на него: с сожалением, но пугающе твердо...

– Я думаю, Яш, нам пока все равно лучше было бы пожить отдельно... Это время, что меня не будет, даст нам возможность подумать, переоценить наши чувства и отношения...

Ему нечего было переоценивать, не о чем было думать. Он ни дня не сомневался в том, что ему нужна она, нужен этот брак...

Господи, да он же ею одной только и жил!

Но у нее, похоже, все было не так.

И все, что ему осталось после того страшного утра – это просто ждать и надеяться.

И он... ждал.

Днями... Месяцами... Годами.
И никогда не переставал ждать.

Глава 9

– Уйди...

На это единственное слово ушли последние силы. Господи, да был ли предел этой боли, этому разочарованию, этому разрывающему изнутри на части чувству?..

Думалось – большее уже некуда. Казалось – ничего страшнее, чем тот факт, что мой муж был женат на другой и лгал годами, уже не произойдет. Верилось – где-то в глубине души, что всему есть приемлемое объяснение...

А вместо этого – только решительный, добивающий удар. Признание, что я в его жизни была лишь временной, удобной заменой той, кого Яков, видимо, возвел в ранг богини.

Внутри все заныло от мысли: да что он вообще в ней нашел? Да, красивая. Бесспорно эффектная. Весьма ухоженная...

Но что она дала ему, кроме боли? Кроме возможности пользоваться своим красивым модельным телом?.. И то не навсегда...

А я...

Я отдала абсолютно все. Но для него это абсолютно ничего не значило. Мы с Ромой – ничего не значили.

– Карин...

Яков протянул ко мне руки в каком-то беспомощном жесте, словно и сам до конца не знал, что именно хочет сделать. Утешить? Получить утешение?..

– Уйди, – повторила глухо.

– Ты же не дослушала...

– И слушать больше не хочу. Не сейчас. Уйди, бога ради!

Он немного помялся на месте, явно сомневаясь в том, как именно стоит сейчас поступить, но в итоге все же негромко проговорил:

– Я в соседней комнате посплю.

Я порывисто отвернулась от него, давая понять, что разговор на этом окончен. Он еще какое-то время простоял на месте, словно ожидал, что я одумаюсь, позову, но в конце концов вышел, тихо притворив за собой дверь.

И эта тишина была страшнее крика.

Утром мы с Яковом разминулись. И это, наверно, было к лучшему.

Я встала в обычное время, чтобы отвести сына в садик, хотя работать в этот день не собиралась.

Едва открыла по будильнику глаза – как все случившееся накануне навалилось на душу удушающим снежным комом. На миг даже возникла паника от непонимания, что дальше делать, как жить, куда бежать, где искать помощи...

Глядя в белоснежный потолок, я даже не пыталась справиться с текущими по лицу слезами. Все, на чем сосредото-

чилась в этот миг – это на попытках просто дышать. Хватать ртом стремительно иссекающий в легких воздух и мысленно убеждать себя, что я все это переживу...

Не знаю, как, но переживу...

До боли сжав руками голову, словно пытаюсь раздавить таким образом все пугающие мысли, атаковавшие сознание, я заставила себя встать.

Шаркающим, безвольным шагом прошла на кухню, обвела ее взглядом...

В горле встал непрощенный ком. С какой же любовью, с каким вниманием я обустроивала здесь каждый уголок! Как придирчиво выбирала шкафчики, технику, даже самую мелкую фурнитуру, стремясь к картинке идеальной жизни, о которой мечтала...

И чем все обернулось в итоге?... Картинка так и осталась идеальной, но мне на ней места больше не было.

– Доброе утро...

Лениво позевывая, сын прошел в кухню, недовольно поморщился, посмотрев в окно...

– Мам, может, сегодня в садик не пойдем? Я буду себя хорошо вести...

Я тоже взглянула на то, что творилось на улице: снег шел перемешку с дождем, укрывая улицы мокрой колючей пеленой, и от одного только этого вида становилось невольно холодно даже в теплой, уютной квартире...

Которая нам больше не принадлежала.

Я сделала глубокий вдох, заставив себя собраться ради сына, и, с улыбкой повернувшись к нему, ответила:

– Придется пойти. У меня сегодня много важных дел.

– Ой!

Сын вдруг потрясенно распахнул глаза, огляделся, словно что-то ища...

– А Турция? – уточнил с надеждой.

– Отменяется.

Последнее, о чем могла бы сейчас идти речь – это о поездке куда бы то ни было. Тем более в нынешней ситуации, когда в моей жизни все встало с ног на голову и что будет дальше – невозможно было даже предположить.

– Ну почемуууу, – заныл мгновенно Рома.

Я пресекла его жалобы быстро и решительно:

– Кончай болтать и садись за стол. Иначе останешься не только без Турции, но и без завтрака.

Обратно домой, из садика, я шла, зябко кутаясь в пушистый шарф – подарок мамы, которая обеспечивала нас вязаными вещами куда лучше и качественнее магазинов, и пыталась решить в своей голове дилемму...

С кем поделиться тем, что со мной случилось? Становилось очевидно: одна я с этой ситуацией попросту не справлюсь. Ни психологически, ни, тем более, юридически, потому что совершенно не была подкована в данной области...

Но и знакомых, способных что-то подсказать, у меня не

имелось. Выход виделся один – искать хорошего юриста...

Он явно будет нелишним на тот случай, если словам мужа о том, что он «о нас позаботился» тоже доверять не стоило. А я уже вообще не знала, чему могу верить в этом мире. И кому.

Но юрист – это одно, и поиски его могли затянуться надолго, а душа болела и плакала прямо сейчас...

Достав из кармана куртки телефон, я озябшими пальцами набрала сначала один номер, потом – второй...

Заранее предчувствуя, что пожалею.

Глава 10

– Я так и знала, что этим все кончится!

– Да дай ты ей толком рассказать все!

Сидя на стуле на кухне и чувствуя себя при этом, как на допросе, я беспомощно зажмурилась от этих криков, раздающихся с двух сторон одновременно.

Мать и отец, стоявшие от меня слева и справа соответственно, были похожи на демона и ангела, каждый из которых пытался обратить меня в свою веру.

Привычная с годами, но от этого ничуть не менее комичная картина. И я бы даже посмеялась над всем этим – в иной ситуации, но сейчас мне было совсем не до смеха.

– Ну?! – проговорили они хором, так и не дождавшись от меня никакой реакции.

– Что? – спросила устало, уже не понимая ни чего от меня хотят, ни зачем вообще позвала их на помощь.

Я любила родителей, как и они – меня, но общаться с ними все же лучше было, как правило, по отдельности. В обществе друг друга они проявляли свои худшие качества, регулярно выясняли все еще бурлившие, как взбесившийся чайник, отношения, и, в целом, попросту способны были свести с ума ни в чем неповинных окружающих.

Вот как сейчас.

– Расскажи все еще раз, – потребовала, тем временем, мама.

Я покорно повторила то небольшое, что открылось мне самой, после чего с двух сторон вновь полетели, как стрелы, диаметрально противоположные мнения:

– Надо идти в суд! – горячо заявила мама.

– Надо нормально поговорить с человеком! – парировал папа.

Я устало провела ладонью по лбу.

– Я пыталась поговорить, но он толком ничего не сказал...

– Конечно не сказал! Ты же его выгнала! – возразил папа.

– А что ей надо было делать, дальше позволять себе лапшу на уши вешать?! – встряла мама. – А вы, мужики, в этом те еще мастера, только и успевай, что снимать да жевать!

– Да сколько же раз тебе говорить – не спал я с этой Людкой, Зина!

– Ну да, просто так рядом прилег! Стою, верю!

Мне захотелось заскулить и уползти куда-нибудь в угол, чтобы не слышать и не видеть всего этого. Даже мою проблему родители умудрились превратить в очередное поле боя для выяснения собственных отношений.

Они ссорились столько, сколько я себя саму помнила. Почти ежедневно, по любому поводу, громко и со вкусом. Таким же громким и смачным был и их развод, и даже удивительно, что по вопросам имущества они договорились достаточно мирно и спокойно, сосредоточившись на главном – на том, чтобы обеспечить в первую очередь меня.

А вот я не сумела сделать того же для собственного сына. Слишком слепо доверяла, слишком абсолютно любила...

И слишком была растеряна и ранена сейчас, чтобы суметь с этим справиться самостоятельно. Но, похоже, просить помощи стоило явно не у отца и матери.

– Хватит, – взмолилась отчаянно, уже потеряв нить все еще длившейся между ними перепалки. – Пожалуйста, не сейчас... Хватит!

Они дружно замолчали, оборванные на полуслове, только рты так и остались комично-распахнутыми.

Первой пришла в себя мама:

– Что бы он там тебе дальше ни напел, а с юристом все равно посоветоваться надо. Я могу позвонить дяде Володе...

– Ну конечно! – мгновенно вскипел, услышав это имя, папа. – Чуть что – так к Володеньке!

Дядя Володя был давним маминым кавалером, за которо-

го она так и не вышла замуж, предпочтя моего отца, о чем любила напомнить по любому поводу да и без повода – тоже, прекрасно зная, как бесится папа от одного лишь упоминания этого имени.

А еще она, кажется, в глубине души жалела о том, что выбрала явно не того человека.

– Он же на пенсии уже, – выдохнула я устало в ответ на мамино предложение.

– Но голова-то у него еще соображает! Что-нибудь да подскажет...

– Да что вы развели-то? – снова вступил в разговор папа. – Казнить уже начали без суда и следствия! Яшка вроде мужик хороший, раз сказал, что позаботился о сыне, значит, так и есть...

– Ты тоже мне много чего говорил и что в итоге? – живо огрызнулась мама. – Нет уж, я хочу быть спокойна насчет того что моя дочь и внук не окажутся с голой жо... кхм, на улице, в общем. Зря, что ли, я тебя в своей квартире терплю? Твою-то мы продали ради дочки...

– Ну началось... мешаю я тебе, значит? Да хоть завтра тогда уйду! К брату...

– Очень ты ему там нужен!

Я сидела, уже практически безучастная к происходящему. От их криков и споров понемногу начинала болеть голова, но в этом был и плюс – это мешало думать обо всем том, что так давило на душу и сводило с ума...

– Ну, в общем, я документы все по продаже старой квартиры-то подниму и с Володей поговорю, – снова ворвался в разум голос мамы. – Нечего надеяться на порядочность там, где ее нет... Это же надо! Столько лет нашей девочке мозги крутил, ребенка сделал, а сам женатый! И мымре своей позволяет приходить сюда и качать права!

Папа в ответ на этот спич только рукой махнул и обреченно побрел в сторону прихожей. За ним с тихим щелчком притворилась дверь – очевидно, все эти разборки и проблемы его умотали и он пошел, как обычно, на площадку подымить и таким образом – расслабиться...

Мама ободряюще потрепала меня по плечу.

– Отец твой только орать может о том, что знает все на свете лучше всех, а чуть только проблемы – так сидит тише воды и ниже травы. Но ты не переживай! Мы чего-нибудь придумаем обязательно!

Я только вяло кивнула в ответ.

– Кариночка, да на тебе прямо лица нет, – обеспокоилась мама. – Еще мы тебя, наверно, утомили своими криками. Хочешь отца домой увезу? Или наоборот остаться, помочь чем? Ужин там приготовить...

Я вдруг поняла, что действительно устала. Даже не от них, а от всего в целом. И что и вправду хочу остаться одна, упасть на кровать и совершенно ни о чем не думать...

Вот только смогу ли? Отсутствие мыслей – это такая недоступная роскошь для разбитого сердца.

– Езжайте, – наконец ответила матери после паузы. – Я тут сама справлюсь. Как будет что-то новое – позвоню.

– Ладно...

Мама ушла в прихожую собираться, и через пару секунд до меня донесся ее голос:

– Коля, выходи обратно, не топчись тут! Мы уходим!

Некоторое время еще слышалась какая-то возня, споры, бормотания – приглушенные, деликатные, но от этого ничуть не менее заметные, потом раздался короткий окрик:

– Кариночка, закрывай!

И все стихло.

Уперевшись невидящим взглядом куда-то перед собой, я думала о матери и отце.

Двух причинах, по которым никогда не стремилась официально замуж. Не хотела такой же жизни, бесконечных ссор и воссоединений, бурной дележки, копания в документах...

Все казалось, что гораздо проще разойтись, когда никто никому ничего не должен, оставшись каждый – при своем. Я хотела ни на кого не надеяться, ни от кого не зависеть, всего добиться сама...

Но нашлась одна причина, чтобы отступить от принятого собой же самой правила.

Яков.

И жизнь перевернулась, все правильные вещи – забылись, любовь вытеснила благоразумие и осторожность...

И все это в итоге привело меня только к одному...

Полному краху.

Глава 11

Работа руками, как оказалось, неплохо помогала отвлекаться от тяжелых, гнетущих мыслей.

Включив для фона музыку, я заставила себя сосредоточиться на самых обычных, обыденных вещах: сначала – уборка, затем – стирка и глажка, и, наконец, приготовление ужина.

Настолько привычные действия, что в какой-то момент даже показалось: все, случившееся накануне – лишь страшный сон, который никак не может быть правдой...

И сегодня все снова будет, как обычно: семейный ужин, совместный просмотр кино, а перед сном – обсуждение с мужем того, как у каждого из нас прошел день...

Пришлось даже напомнить себе: как раньше не будет уже ничего. Хотя бы потому, что все, что было – оказалось сплошной ложью.

Поймав себя на этой мысли, я вдруг осознала, что понемногу... сживаюсь со всей этой ситуацией. Что она не кажется уже такой дикой, невозможной, чудовищной... Нет, я не смирилась со случившимся, просто пыталась как-то выжить в этих новых условиях, как-то... мыслить о том, что будет дальше. Что делать дальше...

В конце концов, было гораздо больше пользы в том, чтобы

повторить себе и принять тот очевидный факт, что меня предали, чем пытаться обмануть саму себя какими-то лживыми надеждами, что все как-то наладится, и ожиданием оправданий, в которые поверится...

Возможно, я слишком рано заняла боевую позицию, толком ничего не узнав и не выслушав, но не намерена была и дальше выжидать, когда меня еще раз ударят оттуда, откуда совсем не думала – с тыла...

Резкая трель телефона заставила меня вздрогнуть, растерянно заозираться, не сразу осознав, что это за звук и откуда он вообще идет...

От взгляда на экран сердце дрогнуло, подскочило к горлу и быстро-быстро забилося...

Звонил Яков. Мимолетный взгляд на часы показал: муж позвонил в то же время, что и всегда. Изю дня в день он набирал мне, словно по будильнику, чтобы спросить, как наши дела, узнать планы на вечер...

Такие, казалось, незначительные и мелкие, но важные и приятные вещи... когда-то. Теперь же я понятия не имела, чего ждать от этого звонка.

И, откровенно говоря, даже не хотела брать трубку. Первым порывом было гордо скинуть звонок, показав, как обижена, но... я твердо напомнила себе, что взрослые люди так не поступают. Можно миллион раз нажать на красную кнопку, отказавшись говорить, можно даже уехать куда подальше, оградив себя от того, что причиняло боль, но все это никоим

образом не решило бы ни одну из моих проблем. Потому что в жизни невозможно было нажать на такую же волшебную кнопку и стереть все, что тебя не устраивало. А значит – рано или поздно все равно придется решать проблемы – тем более, те, что сама же себе и создала.

– Алло, – произнесла в динамик, в конечном итоге все же приняв звонок.

И услышала, как Яков в ответ протяжно, нервно выдохнул.

– Думал, уже не возьмешь.

– Была такая мысль. Что тебе нужно?

По его растерянному молчанию стало ясно: он совсем не был готов к этому резкому, даже грубоватому вопросу...

– Просто хотел узнать, как у вас дела...

Я издевательски хмыкнула:

– У Ромы все хорошо. Он ведь пока не знает, что из себя представляет его отец на самом деле...

– Карин, я знаю, как все это выглядит, но...

– Мы сейчас будем это все обсуждать? По телефону?

И снова – вздох. Я поймала себя на том, что знаю этого человека настолько хорошо, что уверена: вот сейчас он рассеянно поправил свою отросшую челку, сосредоточенно потер лоб, пытаясь подобрать верные слова, чтобы смягчить острые углы...

Как жаль, что я при этом не знала о нем куда более важных вещей, которые знать была просто обязана.

В груди что-то мучительно заныло: как же он был близок мне, как отчаянно знаком даже в мелочах, и при этом – так бесконечно от меня далек, как выяснилось...

– Ты права, – ответил он после паузы. – Сейчас не время. Я просто хотел предупредить... что вечером нам нужно будет серьезно поговорить. Это важно...

– Ну прямо тизер какой-то вбросил, – хмыкнула с сарказмом.

Но сердце, на самом деле, нервно сжалось от того, что ясно предчувствовало: раз Яков говорит таким серьезным тоном, вряд ли стоит ожидать чего-то хорошего...

– Если это все... – добавила следом, сама не зная, что хочу услышать в ответ.

Но ощутила дикое разочарование, когда до меня донеслось лишь короткое:

– Да... это все.

Я нажала на «отбой» и медленно выдохнула. Теперь появилась еще одна, весьма нелегкая задача: как-то дожить до вечера...

На часах было семь, когда в дверь внезапно позвонили.

Ранее я успела забрать сына из садика, накормить его ужином, и следом – усадить читать книгу. Последнее удалось мне с боем – читать Рома совсем не любил, но я не оставляла попыток увлечь его чем-нибудь еще, помимо игрушек на планшете.

Хорошо еще, что сын любил спорт и охотно ездил на занятия по футболу и хоккею.

– Кто там пришел? – вскинул Рома голову, а я попыталась подавить вмиг возникшую внутри тревогу.

Наверно, это уже была паранойя, но перед глазами мигом ожила картина того, как в мой дом вот только вчера вломилась эта Инга – показалось, что тот, кто стоял сейчас за дверью, так же настырно и нагло жал на звонок...

– Сейчас посмотрим, – ответила сыну, неохотно поднимаясь на ноги и направляясь в прихожую.

Звонок повторился снова – громче, требовательнее...

Возмущенная этим трезвоном, я распахнула дверь и...

Словно в повторяющийся кошмар занырнула. На пороге действительно стояла Инга – но на этот раз не просто так, а с кучей чемоданов, сумок и прочего барахла...

Но куда больше меня поразило то, что рядом с ней стояла девочка: лет, должно быть, восьми на вид, бледная, худая, словно бы даже болезненная...

И она кого-то мне отчаянно напоминала.

Прежде, чем я успела до конца осознать увиденное, Инга нанесла решающий удар. Ответив на мой удивленный взгляд точно таким же, ничуть не менее удивленным, она недовольно поинтересовалась:

– Как, вы все еще здесь?

Происходящее ошеломяло, буквально сбивало с ног. Я едва подавила желание жадно глотнуть воздух, как рыба, лишенная воды, выдав, тем самым, перед посторонними свою слабость. Все же сделав вдох – максимально незаметно, как можно тверже ответила:

– А где же еще мне быть? Это – мой дом.

Я заметно надавила на слово «мой», хотя совсем не ощущала никакой уверенности в том, что говорила. В отличие от стоявшей передо мной женщины.

Она кинула быстрый взгляд на девочку, словно что-то решая, и в итоге аккуратно, не допуская лишней мимики, поморщилась. Проговорила более примирительным тоном:

– Давайте не будем обсуждать все это заново прямо тут. Мы просто пройдем и подождем Яшу...

Мне захотелось расхохотаться ей в лицо. Они просто пройдут и подождут, надо же!

– А у меня тут, знаете ли, не зал ожидания, – отрезала с неизвестно откуда взявшейся язвительностью. – Так что...

Договорить я не успела, потому что в разговор внезапно вступила девочка.

– В зале ожидания холодно, – сообщила она доверительно. – Мы с мамой там спали один раз.

Я заметила, как вспыхнула от этих слов Инга, как мягко одернула дочь, словно прося замолчать...

А я...

Я просто посмотрела на ребенка перед собой снова и у меня едва не остановилось сердце. Эти глаза...

Темные, порой кажущиеся совсем черными, они были так хорошо мне знакомы... Большие, глубокие, с линией века, чуть опущенной к внешнему уголку глаза, что делало взгляд каким-то невольно кокетливым...

Вот только глаза Якова почти всегда улыбались, а глаза этой девочки походили на его взгляд в моменты тревоги: слишком серьезные для ребенка ее возраста, словно она прожила не свои условные восемь лет, а все восемьдесят...

– Меня Олеся зовут, – добавила девочка вежливо следом. – А вас?

– Карина, – ответила на автомате, не понимая, почему не могу сдвинуться с места и решительно вытолкнуть прочь Ингу и ее дочь...

Точнее, дочь Инги и Якова. Сходство девочки с моим мужем было неоспоримым и безусловным.

– Мам, ну ты чего там застряла? – донесся в спину голос сына.

Послышались шаги: Рома ворвался в прихожую раньше, чем я успела как-либо отреагировать.

– Ой... а это кто?

Неудобный вопрос застал врасплох. Действительно, а как объяснить сыну, кто эти люди, желавшие выселить нас из дома?..

– Родственники твоего отца, – наконец ответила после па-

узы.

Хотелось саркастически сказать «бедные родственники», потому что именно так и выглядела Инга с кучей своих вещей на пороге, но присутствие вежливой, серьезной девочки заставило меня подбирать слова аккуратнее.

– Ага... – только и сказал Рома, так и не дождавшись продолжения.

– Сынок, иди к себе, поиграй в планшет, ладно? – повернулась я к нему, не зная, как еще разрешить всю эту ситуацию.

– Но...

– Иди поиграй, – повторила тверже, тем тоном, с которым Рома, как правило, спорить не рисковал.

Кинув последний любопытный взгляд на «гостей», сын неохотно поплелся обратно, а я вновь сосредоточилась на проблеме, стоявшей передо мной в полный рост в буквальном смысле этого выражения.

– Может, мы все же можем зайти? – снова спросила Инга. – На улице холодно и...

– Мы шли к вам целый километр, – призналась со всей непосредственностью Олеся. – Мама сказала, это потому, что дом построили у черта на куличиках и сюда не ездит транспорт.

Я приподняла брови, услышав это откровение и насмешливо уставилась на Ингу:

– Ну что же вы себя так утруждали? Мы ведь вас и не

ждали.

Она поджала губы, явно едва сдерживаясь, чтобы не ответить мне в таком же духе, но, кажется, в присутствии дочери растеряла всю свою былую уверенность. А точнее – наглость.

Я же стояла, не зная, как поступить. Точнее – знала, конечно, что нельзя и пускать их на порог, но...

Взгляд невольно все возвращался и возвращался к бледной девочке с серьезными глазами. Заметив, как она зябко переступила с ноги на ногу, как запрятала руки в карманы куртки, но при этом не произнесла вслух ни слова жалобы, я ощутила, как что-то внутри меня треснуло. Ее мать была просто омерзительна, но захлопнуть дверь и оставить на улице ни в чем неповинного ребенка оказалось просто выше моих сил.

Я отступила, предлагая им пройти внутрь. Жестом указав на чемоданы и сумки, коротко обозначила:

– Это все останется в подъезде.

Инга открыла было рот, чтобы возразить, но тут же закрыла его снова и лишь молча кивнула в ответ.

Олеся осторожно шагнула в квартиру, аккуратно разулась на коврике и потянулась, чтобы снять шапку.

Сердце мое екнуло, когда я увидела, что голова девочки перебинтована и коротко острижена...

Она деликатно замерла там же, где стояла, а я, с трудом взяв себя в руки, указала ей на дверь в кухню:

– Проходи. Садись, где понравится.

Проводив девочку взглядом, я повернулась к законной жене моего мужа, в какой-то отчаянно-жадной потребности рассмотреть внимательнее ту, кого он готов был ждать всю жизнь. В болезненном желании понять: что он нашел в ней такого, что так притягивало его и не отпускало годами?..

– Можно?..

Инга, тоже снявшая верхнюю одежду и обувь, кивнула в сторону кухни, я – кивнула ей в ответ.

Олеся скромно сидела на самом краешке стула, Инга – устроилась на соседнем...

В ярком искусственном свете я увидела многое из того, что не заметила прежде, при первой встрече: уже далеко не свежее окрашивание волос с отросшими темными корнями; бледную кожу лица со слегка обозначившимися морщинками вокруг глаз, которые она старательно пыталась скрыть под слоем косметики...

Впрочем, выглядела она хоть и потрепано, но все равно эффектно. Ногти аккуратно обработаны, макияж безупречен, губы, как и положено – пухлые, волосы стильно уложены, а одежда подобрана явно со вкусом...

Пока я ревностно рассматривала ее, отчаянно желая отыскать даже самые мелкие недостатки, в кухне стояло молчание. Но вот меня замутило от чужого совершенства, и я вспомнила о том, кто должен был объяснить мне весь тот бред, что сейчас происходил...

Вынув телефон из заднего кармана джинсов, я быстро на-

брала Якову сообщение:

«Срочно домой!!!»

Хотя он, вероятно, в отличие от меня, явно был в курсе этого «сюрприза».

И даже не подумал признаться мне в том, что у него есть еще и дочь.

Девочка снова притянула к себе мой взгляд: такая хрупкая и беззащитная на вид, но такая, вероятно, крепкая и сильная внутри.

Встретившись со мной глазами, она вновь доброжелательно заговорила:

– Мы ехали сюда три дня на поезде.

Я невольно изумилась:

– Зачем? В вашем городе нет аэропорта?

Олеся пожала плечами:

– Есть. Но мама сказала, что на поезде интереснее.

Она неодобрительно поморщилась, явно показывая свое несогласие с этим утверждением. Уголки моих губ невольно дрогнули в улыбке...

– Тебе не понравилось ехать на поезде?

– Скучно. Мы видели только поля и деревья. А еще там даже не кормили...

– Лесь, не стоит все это рассказывать... – встряла мягко

Инга. – Карине это совсем неинтересно...

Внутри у меня снова заняло от вида худой, болезненной девочки. Что с ней случилось? Олеся явно не выглядела здо-

ровой...

– Хочешь чаю? – предложила я ей. – Я недавно испекла печенье...

В глазах ребенка зажегся внезапный огонек.

– А мама никогда не печет печенье... Она говорит, что проще купить...

Я не знала, что ей на это ответить, поэтому просто повернулась к чайнику и нажала на кнопку...

– А где можно помыть руки? – спросила Олеся.

Я вновь удивилась тому, насколько хорошо была воспитана девочка – и это с учетом того, как вела себя ее мать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.